

УДК 330.190.1

Можайкина Н.В.

кандидат экономических наук,

доцент кафедры экономической теории

Харьковского национального университета городского хозяйства

имени А.М. Бекетова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ТРУДА

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF HOUSEHOLD BEHAVIOR ON THE LABOR MARKET

АННОТАЦИЯ

В статье обосновано наличие тесной взаимосвязи институциональных моделей поведения и ведущая роль в этом домохозяйства (семья). Анализируются особенности институционализации новых прав и адекватных им «правил игры», проблемные и сдерживающие факторы этого процесса. Рассматриваются особенности и причины неэффективного развития рынка труда под влиянием сложившихся институциональных норм и доминирующих практик домохозяйств.

Ключевые слова: институциональный анализ, домохозяйства (семья), рынок труда, институциональные нормы, доминирующие модели поведения, проблемные и сдерживающие факторы.

АНОТАЦІЯ

У статті обґрунтована наявність тісного взаємозв'язку інституціональних моделей поведінки і провідна роль у цьому домогосподарства (сім'я). Аналізуються особливості інституціоналізації нових прав і адекватних їм «правил гри», проблемні і стримувальні фактори цього процесу. Розглядаються особливості і причини неефективного розвитку ринку праці під впливом сформованих інституційних норм і домінуючих практик домогосподарств.

Ключові слова: інституційний аналіз, домогосподарства (сім'я), ринок праці, інституційні норми, домінуючі моделі поведінки, проблемні і стримувальні фактори.

ANNOTATION

The article substantiates the existence of a close relationship between institutional models of behavior and the leading role in this household (the family). Features of institutionalization of new rights and adequate "rules of the game", problematic and constraining factors of this process are analyzed. Features and causes of the inefficient development of the labor market under the influence of institutional norms and dominant practices of households are considered.

Key words: institutional analysis, households (family), labor market, institutional norms, dominant behavior patterns, problematic and constraining factors.

Постановка проблемы. Состояние современной экономики зависит от развития рынка труда, глубины трансформационных процессов и институциональных изменений в сфере трудовых отношений. Институциональный анализ поведения домохозяйств чрезвычайно важен, поскольку он учитывает влияние институционального пространства как ограничителя действий домохозяйств, а также показывает, каким образом это пространство изменяется под влиянием воздействия на него домохозяйств. Домохозяйства сами своими действиями формируют или меняют социальные нормы, господствующие в обществе. Поведение домо-

хозяйств на рынке труда осуществляется через индивидуальное участие его членов в рыночном хозяйстве через институт наемного труда, а также через организацию семейного бизнеса. По-разному реагируя на новую ситуацию – поддерживая институциональные инновации или противодействуя им, оценивая их как временные или как устойчивые, как легитимные или нелегитимные, разные экономические субъекты вносят свой вклад в конечные результаты институциональных преобразований. Институциональный анализ динамики поведения домохозяйств на рынке труда показывает, каким образом домохозяйства действуют и приспосабливаются к социально-экономическим условиям.

Анализ последних исследований и публикаций. В этом плане особый интерес представляют работы А. Ноува, Дж. Гэлбрейта, Р. Хайлбронера а также Р. Коуза, Д. Норта, Дж. Бьюкенена. Однако среди исследователей этого направления нет единства относительно определения рынка в качестве объекта изучения институциональной экономической теории: рынок рассматривается и как институт, и как определенная институциональная система. Следует отметить, что большинство институционалистов (Т. Веблен, Д. Норт, Дж. Ходжсон) в своих исследованиях подчеркивают принцип привычности, устойчивости определенного образа мыслей. Можно сказать, что институты – это нормы экономического поведения, которые возникают в результате взаимодействия индивидов (домохозяйств). В реальной жизни они приобретают форму правовых норм, традиций, неформальных правил и культурных стереотипов. В своем исследовании мы особо остановимся на анализе особенностей и предпосылок формирования поведения домохозяйств на рынке труда.

Цель статьи. Институциональный анализ особенностей поведения домохозяйств на рынке труда позволит определить направления для осуществления социально-экономических реформ с целью повышения экономической, финансовой и морально-нравственной культуры поведения и благосостояния населения в целом.

Изложение основного материала. Институты выступают фундаментальным фактором функционирования экономической системы в долгосрочной перспективе. А рынок труда является особым институтом этой экономической системы. Анализ рынка труда с позиций институциональной теории предполагает, что рассматривать его необходимо как совокупность институтов, определенных правил и стереотипов поведения.

Одна из важнейших функций институтов – приведение разнообразных потенциальных возможностей человеческой деятельности в согласованную систему. По мнению Т. Парсонса, институты – не просто организационные структуры, «это нормативные модели, которые определяют, что в данном обществе считается должным, заданным или ожидаемым образом действия или социального взаимоотношения». Он утверждает: «Для того чтобы институциональные модели существовали, они должны быть подкреплены нравственным чувством большей части членов общества» [1, с. 334]. По мнению Т. Парсонса, ценности являются первичными при поддержании образца функционирования социальной системы, а нормы осуществляют преимущественно функцию интеграции и регулируют огромное количество процессов, содействующих внедрению нормативных ценностных обязательств. Общество зависит от культурной ориентации, которая является главным источником легитимизации ее нормативного порядка и, в свою очередь, существенно влияет на все остальные подсистемы общества и формирующие их факторы.

Относительно истоков этого «нравственного чувства» он пишет: «Подавляющая часть фактов говорит о том, что наиболее глубокие нравственные чувства прививаются индивиду в раннем детстве (в семье, домохозяйстве) и своими корнями глубоко уходят в самую структуру личности. Эти чувства находятся вне сферы сознательных решений и контроля, за исключением, может быть, некоторых критических ситуаций» [1, с. 334]. Утверждение ученого объясняет наличие тесной взаимосвязи институциональных моделей поведения и ведущей роли в этом семьи (домохозяйства).

Таким образом, адаптация домохозяйств к формирующемуся рынку осуществлялась под воздействием множества факторов. Переход от плановой системы к рыночной не являлся чисто экономическим явлением, он предполагал создание новой политической системы, нового социального порядка, новых социальных и экономических институтов. Специалисты считают, что наиболее адекватно характеризует процессы, происходящие на постсоветском пространстве, понятие социальной трансформации общества [2, с. 149–150]. Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей

элиты, но в тоже время радикальное и относительно быстрое изменение социального типа общества. Эмпирическим референтом понятия «социальный тип общества» служит «система общественных институтов». В теории Т. Заславской тип общества задается а) степенью легитимности, демократичности и эффективности власти; б) структурой, развитостью, легитимностью и защищенностью собственности; в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества; г) широтой и надежностью прав и свобод человека [2, с. 150].

Институциональная среда имеет решающее значение для выбора цели, идеологии, «правил игры», путей, моделей, этапов, механизмов социальных и экономических преобразований общественной системы. Характеризуя изменения в институциональном экономическом пространстве, с которыми столкнулись индивиды и домохозяйства в ходе реформ, некоторые авторы сводят сущность произошедших перемен к следующему [3, с. 181–190].

1. Произошли кардинальные изменения в системе социально-экономических прав.

2. Преобразования экономических институтов подкрепляются демократизацией институтов политических. Однако, как свидетельствует исторический опыт, между преобразованиями институтов экономических и политических нет однозначной взаимосвязи. Более того, реалии современного общества свидетельствуют, что за демократическими по форме политическими институтами скрываются далеко не демократические социальные процессы (манипулирование поведением избирателей, давление на кандидатов, нечестность подсчета голосов, слабое развитие структур гражданского общества, местного самоуправления, «свободные» СМИ активно отстаивают интересы своих владельцев, а свободные ассоциации граждан, отстаивающие универсальные цели, малочисленны и слабы).

3. Неактуальность и нелегитимность для большей части экономических субъектов низшего уровня (индивидов и домохозяйств) провозглашенных институционально-правовых изменений. Неактуальность провозглашенных в ходе реформ прав – серьезный барьер для институционализации и важный фактор формирования неправовых норм экономических и социальных взаимодействий.

4. Ослабление контроля со стороны государства за соблюдением правовых норм. В результате новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безнаказанности. Более того, в современных условиях власти разных уровней сами нарушают законные права граждан.

5. Ослабление горизонтального контроля за правильностью исполнения ролевых ожиданий. Новые ролевые рамки и правила игры

еще не окрепли, что делает ролевую систему меняющегося, нестабильного общества слабым гарантом соблюдения провозглашенных прав и правил игры. Типичное для многих ролей поведение еще окончательно не оформилось, а если и оформилось, то нередко не совпадает с формально ожидаемым.

Увеличиваются несоответствия между ценностными ориентациями индивидов и теми социальными нормами, которым они вынуждены следовать. Поскольку новые ролевые ожидания не соответствуют правовым и моральным нормам, разделяемым многими индивидами, ролевые отклонения не сказываются отрицательным образом ни на оценке индивидами самих себя, ни на оценке их «значимыми другими». Иными словами, отклонение от правовых норм постепенно становится «неписанной нормой» новой системы для представителей самых разных социальных групп, проникает в институты социализации молодого поколения.

6. Воспроизводство «административно-командных» правил игры в новых условиях. Элементы инерционности, которые сопутствуют трансформациям любых социально-экономических систем, неизбежно вносят определенные коррективы. Взаимоотношения равноправных субъектов подменяется личными договоренностями (улаживаниями).

7. Слабость протестного потенциала рядовых экономических субъектов, столкнувшихся с нарушением формальных «правил игры». Слабость (отсутствие) организованных социальных движений за права человека и работника также вынуждает значительное большинство населения доступными им способами приспособляться к новой ситуации.

8. Нестабильность, изменчивость «правил игры», их неформальность. Эта черта современного институционального пространства аккумулирует ряд частных его особенностей. Во-первых, нестабильность официальных правил игры связана с незавершенностью перехода к институционально-правовому пространству западного образца и отступлениями от первоначально заявленных «правил игры». Во-вторых, большая роль личностной компоненты. В-третьих, развитие неформальных норм трудовых взаимодействий в формальной и теневой экономике.

Три основных системообразующих института общества – экономика, политика и право – подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и не одновременно, и сегодня в самом удручающем положении находится именно право. Соблюдение правовых норм в современных условиях дает огромные сбои. Это связано прежде всего с социально-культурными особенностями и спецификой условий жизнедеятельности самых разных социальных субъектов. Его отставание от других институтов не только сказывается на пределах и направлениях трансформации последних, но и снижает возможно-

сти больших групп экономических субъектов адаптироваться к новым условиям. Правовые нормы – лишь одни из разновидностей социальных институтов. А одна из важнейших функций институтов – приведение разнообразных потенциальных возможностей человеческой деятельности в согласованную систему посредством структурированного нормативного порядка [3, с. 191].

Поскольку перспективы институционализации новых прав и адекватных им «правил игры» зависят как от внутренних, так и от внешних факторов, то, чтобы полнее представить имеющуюся информацию, необходимо исследовать неформальную среду современного институционального пространства, которая определяется, с одной стороны, особенностями их жизнедеятельности, а с другой – социокультурными особенностями микросубъектов, спецификой их ментальности. Это прежде всего национальная экономическая ментальность, то есть социально-психологическое состояние этнического сообщества, отражающее результаты длительного и устойчивого воздействия естественно-географических и социально-экономических условий формирования и развития сообщества.

Общепризнанной концепции структуры национальной экономической ментальности еще нет. Некоторые авторы предлагают считать основными элементами национальной экономической ментальности (или национальной, хозяйственной структуры) такие составляющие, как 1) стереотипы потребления; 2) нормы и образцы социального взаимодействия; 3) организационные формы (склонность к самостоятельной, индивидуальной, или групповой, коллективной деятельности); 4) трудовая этика (ценностно-мотивационное отношение к труду и к богатству (как результату труда); 5) степень восприимчивости к зарубежному опыту (отторгает его, воспринимает или механически копирует) [4, с. 124–128].

Национальный менталитет отражает в себе историю нации и не может оторваться, уйти от тех базовых ценностей, морали, норм, которые его формировали. Национальная ментальность влияет на все сферы жизни общества, в том числе и на хозяйственную деятельность. Под ее влиянием формируются объективные условия жизни нации, она определяет как характер социально-экономических норм (формальных институтов), так и неформальные нормы поведения, которые формируют историческую траекторию хозяйственного развития нации. В последнее время вопросы национальной психологии и менталитета в экономической жизни приобретают особую актуальность, ибо глубокие различия, существующие между психологическим складом различных народов, приводят к тому, что они чувствуют, рассуждают и действуют совершенно различно.

Формирование национальной экономической ментальности происходило под влиянием осо-

бенностей развития нашего государства и находило свое отражение в формировании экономических, культурных и морально-нравственных ценностей. При этом национальная модель экономики формировалась под влиянием национальной экономической ментальности, а региональные модели отражали определенные «суперэтнические» особенности хозяйственных культур. Общеизвестно, что эти хозяйственные культуры, формирующие национальные типы экономической ментальности, оказывают очень разное влияние на процессы рыночной модернизации и требуют особого внимания, особенно в Украине.

На особенности формирования правовой и экономической культуры поведения повлиял целый спектр факторов, обусловленных историей развития нашей страны и влиянием общемировых тенденций развития. Под влиянием вышеназванных условий сформировался индивид с установками не на саморазвитие, а на приспособление, пассивный, не умеющий пользоваться собственными ресурсами, с разрушенной системой ценностей, что значительно осложняет приобщение общества к «общечеловеческим ценностям» западной цивилизации. Отсутствие понятной стратегии рынка, резкая смена системы ценностей хозяйствования, неопределенность норм и ролей, специфика национального менталитета и инертность формирования хозяйственного сознания способствовали формированию неэффективных практик, что значительно осложнило процесс рыночной трансформации.

Специфика доминирования неформальных правил над формальными, с одной стороны, позволяла смягчать трансформационный шок через развитие неофициального сектора, заключение неофициальных соглашений между администрацией предприятий и трудовыми коллективами и сдерживать массовую безработицу. Но от этого страдало производство, поскольку существующая система ликвидировала стимулы интенсивно и творчески работать и осуществлять свою деятельность на легальных основаниях, а также искажала и осложняла формирование нового экономического сознания у населения. Таким образом, сформировалась отнюдь не нейтральная по отношению к направленности реформ социально-экономическая среда.

Наряду с экономическими факторами становлению такой ситуации способствовал ряд факторов, формирующий национальную экономическую ментальность и обусловленный предшествующим этапом развития нашей страны (традиционализм, коллективизм, государственный патернализм, статусный характер классового неравенства, ценностная рациональность, основанная на патриотизме и социалистической сознательности, уравнилельное вознаграждение за труд и др.). Все эти факторы способствовали формированию массовых установок не на само-

развитие, а на приспособление, минимизацию экономических усилий.

Таким образом, обедневшие домохозяйства вырабатывали пассивные способы приспособления тактического характера, что препятствовало формированию стратегий, направленных на преодоление бедности и создание условий для возникновения эффективных институтов рыночного хозяйства.

Фактически в результате неудачной политики и непредвиденных обстоятельств экономика оказалась в институциональной ловушке, в «области притяжения» неэффективных норм поведения. Неформальные модели взаимодействия оказались важнейшим адаптационным ресурсом, позволившим приспособиться к новым изменившимся условиям. Господство неформальных норм, массовое нарушение законов укоренилось в сознании большинства населения как вполне нормальное и допустимое явление, которое уже не осуждается, с которым привычно жить. Подобные институциональные структуры не создают необходимых условий для формирования эффективной институциональной системы, позволяющей планировать экономическую деятельность на длительную перспективу [5, с. 55–56].

В особенностях формирования и развития рынка труда, выражена не только реакция занятости на рыночные перемены, но и низкие активность и притязания работников. А ведь активность индивида оказывает определяющее влияние на реализацию рыночного потенциала институциональных систем.

Рассматривая процессы в сфере занятости, следует обратить внимание на то, как действуют безработные в трудной ситуации. Выделяют три основные стратегии, каждая из которых включает несколько видов действий:

1. Келенаправленное использование ресурсов своей межличностной сети (активная «инвентаризация» связей своих родственников, старых друзей, знакомых, обращение к ним за помощью; осознание и активное использование индивидуальных ресурсов).

2. Выработка конструктивной позиции по отношению к неудачам, осознание своих слабых и сильных сторон и выработка в итоге эффективной стратегии поведения на рынке труда; поиск и приобретение «нужных» связей.

3. Переобучение как способ накопления ресурсов и выхода из ситуации [6, с. 187].

В связи с высоким уровнем неопределенности относительно будущей экономической ситуации в стране господствующее положение на рынке труда имеет работодатель. Это способствует формированию чувства обеспокоенности у населения угрозой безработицы при низком уровне социальных гарантий для безработных со стороны государства и недостаточной эффективности службы занятости. Отсюда вытекает безнаказанность многих работодателей и пренебрежение их к законам, регулирующим нормы

оплаты труда работников, прием на работу и порядок их увольнения. Все это выступает причиной социальной неудовлетворительности работников.

Опрос незанятых жителей Львовской области показал их устойчивую установку на выезд за рубеж в поисках работы: ее признал каждый третий респондент как в областном центре, так и в районах. Особое внимание следует обратить на признание почти 5% всех опрошенных своей готовности вступить в конфликты с законом из-за отсутствия работы (в том числе – даже пойти на воровство). Значительное количество участников исследований вместо усилий самообеспечения использовали помощь своих родителей (20,1%) или же наращивали долги (11,5%). Это свидетельствует о наращивании паразитарных установок почти у трети безработных [7, с. 47].

Периферийное место морально-нравственных ценностей и возможность их реализации в значимом жизненном пространстве индивидов определяет относительно неблагоприятные перспективы институализации и интернализации многих провозглашенных неэкономических прав. Это связано с доминированием неадекватных рыночным условиям норм, ценностей и установок, инертностью формирования экономического массового сознания, на которое влияет противоречие изначальных установок и реальных результатов.

Выводы. Если судить по доминирующим моделям поведения экономических субъектов – домохозяйств, то глубина институциональных трансформаций пока недостаточная. Попытка копировать чужой опыт показала, что легко заимствуются худшие черты. Лучшие же черты чужого опыта (свобода индивидуального саморазвития, гражданское самоуправление, правовое общество, эффективная конкуренция) пока упорно отторгаются. Общество стратифицируется, происходит кардинальное переосмысление понимания общественного долга, моральной ответственности личности и других социальных ценностей.

Явное несоответствие между формой и содержанием существующих правил связано с тем, что, обращаясь к новым правам и пытаясь их отстаивать, экономические субъекты в большом числе случаев включены в такие правила игры, которые принципиально отличаются от предписываемых цивилизованной общественной традицией. Устойчивость установок предшествовавшего периода развития (патерналистская политика государства, склонность к смирению,

низкая активность, неспособность самостоятельно решать свои социальные проблемы) и в тоже время стремление повысить свой жизненный уровень при минимальных усилиях формирует у домохозяйств «примитивные» поведенческие стратегии «экономики выживания» или не всегда адекватные и цивилизованные способы рыночно ориентированного поведения, которое не осуждается обществом.

Вектор поведения домохозяйств на рынке труда определяется сложными, разнонаправленными, но взаимосвязанными процессами. Факторами, определяющими особенность их поведения, являются переходное состояние системы ценностей и установок, что обуславливает низкую инновационную направленность; распространение девиантных практик адаптации – чрезмерное показное потребление зажиточных в ущерб капитализации накопленного богатства; тактика выживания, не способствующая развитию человеческого капитала; значительное имущественное расслоение домохозяйств и немногочисленность средних слоев населения в структуре общества. Именно эти причины лежат в основе существенных ограничений рыночных перемен и развития рынка труда в Украине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М., 2000. – С. 334–338.
2. Заславская Т. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект / Т.И. Заславская // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука. Сибир. отделение РАН, 1999. – С. 149–150.
3. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). в 3 ч. / под ред. Р.М. Нуреева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003. – Ч. 1: Домохозяйства современной России. – 319 с.
4. Богиня Д., Семикіна М. Ментальний чинник у сфері праці: проблеми теорії та практики – К.: Шторм, 2003. – 382 с.
5. Решетило В. Біфуркаційний характер інституційних змін соціально-економічних систем перехідного типу / В.П. Решетило // Економічна теорія. – 2007. – № 4. – С. 49–58.
6. Козина И. Реструктурирование рынка труда и каналы мобильности / И. Козина // Занятость и поведение домохозяйств. – 2003. – № 6. – С. 182–192.
7. Вовканич С. Структура и особенности мотивации занятости / С. Вовканич, Х. Капыстьянская, О. Рынцзак // Экономика Украины, 2014. – № 8. – С. 43–51.